

НАШ БЕСТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

КОНСТАНТИН
КРЫЛОВ
РУССКИЕ
ВОПРОКИ
ПУТИНУ

Национальный бестселлер

Константин Крылов

Русские вопреки Путину

«Алисторус»

2012

Крылов К. А.

Русские вопреки Путину / К. А. Крылов — «Алисторус»,
2012 — (Национальный бестселлер)

Константин Крылов – популярный российский публицист и политолог, главный редактор сайта Агентства Политических Новостей и журнала «Вопросы национализма», один из идеологов национал-демократического движения. Произведения Константина Крылова отличаются яркостью и остротой; главный вопрос, который его занимает – положение русского народа в современной России. Как пишет К. Крылов, русский национализм давно уже принял цивилизованные формы. Сейчас русские националисты, по сути, единственные европейцы в России – хотя бы потому, что только русские националисты хотят создать в России национальное государство европейского типа. Все остальные, включая нынешнюю политическую элиту, – за дикарство и азиатчину. Обо всем этом и многих других проблемах русской нации К. Крылов рассуждает в своей новой книге, представленной вашему вниманию.

© Крылов К. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Политика	5
Эрефия как политическая реальность	5
Внешнее управление как стандарт	6
Партия начальства	7
Силовики как ресурс	9
Комсомол наоборот	9
Новая российская идеология	10
Золотой петушок	11
Вместо заключения	12
Хоспис. Российская федерация и ее смысл	14
Плата за вымирание. К экономической системе РФ	19
Выборы в России: смысл и назначение процедуры	22
Старый муж, грозный муж. Гендерно-политическое размышление	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Константин Крылов

Русские вопреки Путину (сборник)

Политика

Эрефия как политическая реальность

Опубликовано на АПН 3 февраля 2006 года

Российское общество по привычке определяет себя как «транзитное» – то есть «общество переходного периода», движущееся откуда-то куда-то. Пелевин в своем худшем сборнике, правда, обозначил эту траекторию как *«из ниоткуда в никуда»*, – но, по чести говоря, это типичное брюзжание. Нам может не нравится ландшафт, по которому мы перемещаемся, но отрицать его наличие глупо.

Теперь несколько слов о самом концепте *социального движения*. Для того чтобы к нему подобраться, нужно сказать несколько слов о движении физическом. Чем движение отличается от покоя? Покой – это состояние, в котором тело не меняет своего положения относительно среды, но при этом может в любой момент начать движение в любую сторону. В каком-то смысле слова именно покоящееся тело обладает максимальной свободой выбора. Разумеется, чтобы нарушить состояние покоя, нужно приложить какое-то усилие – и для преодоления инерции, и для того, чтобы разбить какие-нибудь оковы, сковывающие это самое тело и не дающее ему начать движение. Но это неизбежные издержки.

С другой стороны, движение – штука обязывающая. Даже если тело движется в пустоте, свернуть его с заранее предопределенного пути не так-то просто: тело обладает инерцией. Если же движение происходит, что называется, на местности, тут все совсем круто: как правило, движение происходит не абы как, а вдоль русла, внутри колеи, и так далее. Чем быстрее тело движется и чем глубже колея, тем меньше шансов на незапланированный поворот.

Все это относится и к социальным движениям. «Транзит» – это ситуация практически безвыходная: все процессы идут «согласно своей собственной логике», то бишь неуправляемо. Собственно, само наличие «логики процессов» и есть первый признак *«переходного периода»*. Когда людей – в том числе и тех, кто, по идее, имеет возможность и право контролировать эти самые процессы – просто несет куда-то, и они понимают, что никакие их личные планы не имеют значения, а надо просто ловить ветер и не вставать на пути урагана: это значит, что общество претерпевает спонтанную трансформацию, которая произойдет так или иначе, хотим мы того или нет.

Еще один признак «транзитности» – трудности с описанием происходящих процессов. Нет, циферки могут быть известны – но неизвестность цели происходящего движения их совершенно обесмысливает. И только когда трансформация завершится, когда новая структура общества устаканится и осядет муть, тогда-то и станет ясно, куда оно все шло. И торжествующая сова Миневры вылетает и заводит свою неблагозвучную песнь.

Так вот. Следует признать, что на сегодняшний день транзитный процесс, начавшийся в годы «перестройки», *закончен*. Новое российское (точнее, «эрефское») общество в общих чертах сложилось.

Это не значит, что оно просуществует сколько-нибудь продолжительное время: мы говорим не об этом. Важно то, что не осталось ни одного *естественно идущего* процесса, который мог бы привести к масштабным трансформациям этого общества. Транзит завершен. Эрефия

состоялась. Надолго ли – это, повторяю, совсем другой вопрос. Но то, что есть, внутренне логично и *в этом смысле* стабильно.

У меня нет тщеславного намерения одним махом описать всю систему в целом. Возьмем для начала только один ее срез – выстроенную структуру властных (и прежде всего *внутривластных*) отношений, причем уделим вершкам больше внимания, нежели корешкам. Думаю, такой подход оправдан хотя бы в ознакомительных целях. Никто ведь не начинает осмотр нового дома с фундамента: он в земле, его не видно, зато блестящий медный флюгер над кровлей виден за милю.

Внешнее управление как стандарт

Структура Эрефии не похожа ни на политические режимы развитых демократий, ни даже на те режимы, которые установились в постсоветских государствах. Откровенно говоря, она вообще ни на что не похожа – что и вызывает недоумение у наблюдателей, которые привыкли списывать все странности и уродства на «транзитность».

Между тем, следует вспомнить о том, что сама трансформируемая структура – то есть РСФСР – была уникальным явлением, не имеющим аналогов в современной истории, причем куда более экзотическим, нежели весь СССР в целом. *Эрефия же наследует именно РСФСР, а не СССР.*

Первое, что стоит вспомнить про РСФСР, – так это то, что она никогда не была самостоятельным государством. Более того, она была *менее* самостоятельна, чем любая другая советская республика: те могли фрондировать, играть в политику (в том числе и в национальную политику) «и вообще».

РСФСР была предельно задавленным, предельно несамостоятельным субъектом, не имеющим даже собственных советских органов управления – например, «своей» компартии (и много чего еще «своего»). Считалось, что все это ей заменяют «союзные органы». Однако «союзные органы» мыслили «союзными» же категориями, при этом республиканские органы занимались – как это им и полагалось в подобной системе – лоббизмом, соперничеством за ресурсы и стягиванием их на себя. РСФСР же не имела именно лоббистских систем, защищающих Россию от Союза. В результате все издержки и неприятности доставались именно РСФСР¹, что воспринималось местными элитами как нечто привычное и неизбежное.

После расчленения Союза все республики, кроме РСФСР, довольно быстро освоились со статусом независимых государств. Разумеется, они понимали независимость по-советски, то есть как независимость прежде всего от Москвы и постоянное вымогательство ресурсов. Эти навыки пригодились им как в разговорах с Москвой, так и с новыми хозяевами мира, то есть с «вашингтонским обкомом».

«Российская» же элита, вылупившаяся из неполноценной «республиканской», не умела и не хотела уметь даже этого. Она в принципе не обладала навыками и установками, позволяющими существовать без внешнего контура управления.

Отчасти нехватку внешнего контура восполнили услуги Запада (прежде всего США), долгое время игравшего роль внешнего управляющего контура. Запад и сейчас ее играет –

¹ Из этих издержек стоит упомянуть хотя бы разрушение Центральной России, колыбели русского народа. Часть территории была просто физически уничтожена (например, затоплена: «пошла под электричество»), часть просто разорена. Деструкции подверглась и социальная структура: все, что делалось на территории России, было несовместимо с нормами русской жизни. Наконец, на символическом уровне, центральный район был унижен так, как не посмели бы унижать ни одну «союзную республику»: достаточно вспомнить то, что практически официальным названием сердца России стало слово «Нечерноземье». Это было логичным следствием политики «пригибания» русских, «мягкого русоцида», проводимой союзным руководством со времен Хрущева (который весьма проницательно обозначил это как «возвращение к ленинским нормам»). Сейчас Центральная Россия представляет собой огромный пустырь. Все старейшие русские города, кроме Москвы, являются «черными дырами», зонами антиразвития.

по крайней мере, в тех областях, в которых сам считает нужным. Однако задачи управления Эрефией на уровне земли были перепасованы местной администрации.

В конце концов, она с этой задачей справилась.

Решением оказалось восстановление партийно-хозяйственных структур, организованных, однако, по новому принципу, до какой-то степени *обратному* по отношению к советскому.

Партия начальства

В советское время Партия была одна. Политическая система СССР была похожа на ленту Мебиуса, в отличие от аккуратных двусторонних колечек «старых демократий», с их «внутренней консервативной стороной» и «внешней либеральной» (На самом деле «правое» и «левое» в политике соотносятся скорее как «внутреннее» и «внешнее».) Советский же «нерушимый блок коммунистов и беспартийных» был фигурой топологически противоестественной и трудно постижимой уму. Что, впрочем, не мешало ей работать, и достаточно эффективно. (То, что Партия представляет собой *одностороннюю поверхность*, можно было понять, например, по такой странности, как долгое сохранение буквы «б» в названии – ВКП(б). Это было именно обозначение *стороны* – «большевиков», – причем в ту пору никаких «меньшевиков» уже не было и в помине. Они присутствовали своим отсутствием: никакого «м» быть не могло, но «б», собственно, на это и указывало. Отсюда же и такие, казалось бы, странные выражения, как «право-левый уклон». На односторонней плоскости такое возможно.)

Главной функцией КПСС была *подготовка кадров*. Человек, хоть сколько-нибудь рассчитывавший на советскую карьеру, должен был сначала вступить в Партию, заплатить за лотерейный билет в один конец (ибо из Партии – в силу все той же односторонней природы – выйти было нельзя, из нее могли только *исключить* – что считалось серьезным наказанием и почти автоматически влекло за собой социальный крах). Не всякий партийный чего-то добивался – однако именно Партия готовила будущих начальников.

Разумеется, начальниками становились не все. С остальными нужно было что-то делать – ну хотя бы как-то утешить, компенсировать их провал хотя бы символически. Это достигалось разными способами, и, прежде всего, «идеологической работой». Именно не прошедшие наверх коммунисты максимально индоктринировались: начальство оставляло за собой право на цинизм, беспартийные обрекались на безразличие (к этому цинизму).

Интересно еще, чем именно индоктринировали неудачников. Так называемая «коммунистическая идеология» времен позднего социализма – не в ее парадном, а в подлинном виде – предназначалась прежде всего для слоя рядовых партбилетников: партийных, но начальниками не ставших. В отличие от «красной веры» времен бури и натиска, эта идеология была не оружием победителей, а утешением (можно сказать, *опиумом*) для проигравших².

² Интересно, что именно эта сторона дела сейчас вспоминается с трудом. Отчасти это объясняется тем, что в современном «дискурсе» советский период освещается крайне искаженно. Например, практически во всех художественных или документальных текстах, написанных сейчас о семидесятых, начисто отсутствует образ *обычного партийца* – не начальника и не тайного диссидента, а рядового обладателя партбилета. Между тем мировоззрение именно этого слоя людей и было определяющим, «задающим тон эпохи». Если сравнивать «большевизм» времен тридцатых (и его последний всплеск в шестидесятые) с этим новым мировоззрением, то разница будет состоять вот в чем. Ранние большевики были людьми, настроенными на близкую и эффектную победу над капитализмом. Потом заговорили о «победе в конечном итоге» (то есть после дождичка в четверг). Поскольку же победа, отнесенная в неопределенное будущее, на нормальном человеческом языке называется поражением, возникает следующий слой риторики, уже чисто компенсаторный – «да, мы никого не победили и никогда не победим, мы даже никого не перегоним, мы будем вечно отстающими и отставание это будет только расти, *зато* мы сохранили...» (далее начинаются ламентации на тему того, что же именно мы «зато сохранили»: «ценности народа», «духовность», «верность идеалам» и т. п.). Когда же ценность всего «сохраненного» опускается до нуля, происходит «перестройка».

В этом смысле аббревиатура КПСС оказалась очень удачной. Партия была именно что КПСС – *командный пункт Советского Союза*. Партия командовала³ страной. В частности, из ее недр выходили командиры. Партия была единственной школой командования, и воротами, через которые должен был пройти каждый управленец. Стать начальником, не вступив в партию, было практически невозможно (или очень сложно – примерно так же, как заниматься наукой, не имея на руках диплома).

После развала советской системы в Эрефии начались попытки создания «настоящих партий». Что привело – помимо вскармливания разнообразных «Гайдаров» и «хакамад» – к появлению КПрФ.

Первоначально КПрФ планировалась именно как «Коммунистическая Партия РСФСР», но времени поиграть в эту игру у нее не оказалось.

Как известно, возглавили КПрФ партийные болванчики второго эшелона, оставшиеся не у дел во время Большого Хапка конца восьмидесятых – начала девяностых. Но костяк, живую силу ранней КПрФ составили так называемые «простые честные коммунисты». Иными словами, как раз те, кто в советское время купил пустой билет: вступил в Партию, но не пошел наверх. Туда же слились те, кто уже сошел с дистанции – по возрасту или по другим причинам. Естественно, такую партию просто не мог не возглавить «человек-неудача», «Зюганов с бородавкой». «Выиграть» такая партия – особенно по-крупному – тоже ничего не могла: она состояла из уже проигравших, привыкших жить в ситуации проигрыша. Что, разумеется, ничего плохого не говорит о честности, благородстве и даже жертвенности рядовых активистов КПрФ. Правда, надо иметь в виду, что советская идеология для проигравших как раз и культивировала именно эти качества.

Аналогом же покойной КПСС – и полной противоположностью КПрФ – стала «государственная партия» «Единая Россия».

Впрочем, слово «аналог» здесь не вполне уместно. «ЕдРо» – не столько двойник КПСС «в новых условиях», сколько ее прямая противоположность. Ибо если КПСС была кузницей кадров и сливным бачком для отходов процессаковки, то ЕдРо является, наоборот, партией кадров уже состоявшихся. То есть – *партией начальников*.

Если мы посмотрим на состав «ЕдРо», то увидим удивительную вещь: *в Единой России состоят только начальники*. Речь идет, разумеется, не только о крупных начальниках, но о любых начальниках вообще, включая «уровень жека» – и вплоть до самой верхушки.

В настоящий момент Партия Начальства полностью завершила свое строительство – в частности, свила свои первички по всей стране. В «первичках» состоит мелкое и мельчайшее начальство «жековского уровня». Казалось бы, это почти такие же люди, как мы. Однако достаточно немного поговорить с любым из них, чтобы убедиться в обратном. Начальство сейчас – в том числе и самое-самое ничтожное – консолидировалось и прекрасно осознает себя именно как касту со своими кастовыми интересами. Ну, например: в ходе последних выборов именно мелкое начальство проявляло чудеса рвения и усердия для того, чтобы мешать неединороссовским кандидатам вести агитацию. Тут важно заметить, что это была не только и не столько работа по «указивке сверху» (хотя указивка, разумеется, тоже имела место), сколько *сознательность* – то есть понимание своих кастовых интересов и следование им. Понятно, что верхушка «ЕдРо» осознает эти интересы в высшей степени отчетливо.

³ Не «правила», не «управляла», а именно что *командовала*. Разница между этими словами есть, и существенная – но сейчас не будем об этом.

Силовики как ресурс

Важным сюжетом в этой теме является взаимоотношение начальства (и его партии) с силовыми структурами. Известно, что Эрефия – «ментовская страна».

Численность сотрудников МВД у нас колеблется от полутора до трех миллионов человек. Недавно подписанный указ Путина устанавливает предельную численность внутренних войск примерно в 800 тысяч, но это не считая войск МЧС, а также разного рода «прочих» силовых структур, умеющих теряться в статистике. Скорее всего, общую численность «силовиков» разного сорта можно оценивать миллиона в два, и это не считая людей, послуживших в «структурах» и ушедших, но сохранивших знакомства, связи и соответствующий *менталитет* (простите за невольный каламбур).

При этом нужно иметь в виду, что российская «ментовка» имеет принципиально иную природу, нежели западная полиция или даже советская милиция.

Все эти структуры были выстроены в расчете на то, что «страж порядка», при всех его силовых возможностях, все-таки является гражданином, «как и все», он вооружен только потому, что имеет дело с преступниками.

Сейчас место «силовика» в обществе совершенно иное. Современный российский «силовик», начиная с рядового опера, – это *вооруженный начальник*, то есть высший тип начальника как такового.

И хотя закон запрещает силовикам (как и госслужащим) состоять в политических партиях, смычка их неизбежна.

Ее символизируют Грызлов и Шойгу (руководившие партией, формально в ней не состоя, – уникальная с точки зрения мирового опыта ситуация), а реализуется она через создание института «сторонников», а также через тесные неформальные контакты.

Интересен вопрос *о руководстве* – точнее, о руководителе – Партии Начальства. Очевидно, что номинальное ее руководство, при всей его влиятельности, является лишь исполнителями воли первого лица. Путин, с другой стороны, не состоит в «ЕдРо». Однако, учитывая особый характер партии – именно как объединения начальников всех уровней, – последнее не имеет никакого значения: «главный начальник» является и главным в партийной иерархии де-факто.

(Одним из возможных (хотя и маловероятных) вариантов дальнейшей политической судьбы Путина после истечения второго срока президентства мог бы стать пост «начальника партии начальников» – то есть занятие в ней поста, аналогичного посту «генсека» в КПСС, но называющегося иначе. Это позволило бы какое-то время контролировать нового президента вполне легально. Но, скорее всего, это не потребуется.)

Комсомол наоборот

Разумеется, у Партии Начальства существует и свой комсомол. Это – движение «Наши», которое не сравнивал с ВЛКСМ только ленивый.

Однако и здесь имеет место все та же инверсия. Если советский комсомол был «кузницей кадров», место выдвижения и продвижения, то «Наши» задуманы скорее как *всероссийская служба* «ЕдРо», «припаханная» для некоторых специальных надобностей. Уже сейчас видно, что в число таковых входит работа массовой и клакой (для стимуляции «низовой» уличной активности – «покричать, помитинговать»). Возможно, им доверят также силовые акции (то есть дозволенное начальством хулиганство разной степени тяжести – если угодно, «работа хунвейбинами»).

Учитывая, что «Наши» были официально созданы для противодействия «оранжевой революции», можно уверенно сказать, что все это было предусмотрено еще на проектной стадии.

Разумеется, молодых «нашистов» все это не смущает. В стране, где социальные лифты заблокированы намертво, членство в «партии obsługi» рассматривается многими как шанс выбиться из безнадежного прозябания хоть на полсантиметра вверх. Практически все молодые «нашисты» рассчитывают на чиновничью карьеру.

Новая российская идеология

Идеология Партии Начальства (и РФ как политической общности в целом) была окончательно сформулирована в последний год, хотя отдельные ее элементы были проговорены и озвучены задолго до этого. Тем не менее только сейчас эта идеология достигла той стадии развития, когда она становится тотальной, безальтернативной – и получает, наконец, название и официальное признание. Теперь она называется «антифашизмом».

Следует кратко напомнить историю этого явления. Так называемый «антифашизм» некогда составлял часть идеологии «демшизы». Разумеется, к фашизму (и к современному неофашизму) он имеет весьма отдаленное отношение. Это был специально выработанный дискурс, который заранее блокировал все проявления русского национализма (и шире – любых проявлений русских национальных чувств в какой бы то ни было форме) путем атрибуции русским националистам и русскому народу в целом «фашизма» и «антисемитизма» – и тем самым оправдывал разворачивающийся русоцид как «превентивную меру».

Сам по себе дискурс был отчасти скопирован с послевоенной идеологии ФРГ, стоящей на признании «немецкой вины», только немцев можно было обвинять в конкретных поступках⁴, а русских – в лучшем случае в «преступных намерениях». Впрочем, последнее не помешало эффективному «закошмариванию» общества: достаточно вспомнить, что в начале девяностых разговоры о близящихся еврейских погромах были совершенно обычной темой, постоянно обсуждавшейся в СМИ, равно как и красочные описания «комунно-фашистского реванша».

Однако за последние годы многое изменилось. С одной стороны, классическая «демшиза» постепенно растратила свой символический капитал (прежде всего в глазах власти) и, в конце концов, лишилась рычагов влияния и ушла в глухую оппозицию. В свое время этот факт вызывал у русских патриотов определенные надежды на то, что вместе с демшизой умрут и ее идеи. Это было наивно: власть предпочла *приватизировать* полезные ей идеологические инструменты, «переписать их на себя».

А с другой – в становлении российского «антифашистского» дискурса сыграл большую роль нынешний *кризис европейской идеологии, основанной на культе Холокоста*. Кризис этот привел, как это обычно и бывает, к дальнейшему закручиванию гаек и ликвидации части терпимых ранее вольностей: достаточно вспомнить тот же процесс над Дэвидом Ирвингом, который даже в политкорректной Европе воспринимается неоднозначно. Если учесть еще и русофобию, являющуюся одним из краеугольных камней европейского мировосприятия как такового, но в наше время особенно обострившуюся, то можно понять, как хорошо кореллирует отечественный «антифашизм» с «антифашизмом» западным.

Следует подчеркнуть, что идеология «антифашизма» была не только озвучена на самом высоком уровне, но и утверждена в качестве государственной путем экстраординарным, не имеющим аналогов в пятнадцатилетней истории Эрефии символическим действием – собра-

⁴ Совершенных к тому же лично каждым: теория немецкой вины была сформулирована в те годы, когда практически каждый немец дееспособного возраста либо воевал, либо имел воевавших родственников: в этом случае было уместно говорить о коллективной вине.

нием на Поклонной горе всех легальных политических партий под эгидой Партии Начальства и заключением «Антифашистского пакта».

Это действие не просто выбивается из привычного ряда кремлевских «мероприятий» – оно указывает именно на утверждение «антифашизма» в качестве обретенной *национальной идеи*.

При этом «*национальная идея*» Эрефии есть идея *антинациональная*, то есть антирусская. «Пакт» направлен против всех тех, кто выражает интересы русского народа – более того, отныне всякое представительство или хотя бы озвучивание этих интересов приравнивается к преступлению, а все обостряющаяся борьба с «русским шовинизмом» – острием и стержнем госполитики, обращенной к населению.

Золотой петушок

Как известно, любая власть, осознающая, что ее действия непопулярны, старается переложить хотя бы часть ответственности за них на других людей. Это происходит в двух формах – во-первых, непопулярные инициативы могут озвучиваться «со стороны уважаемых граждан», и, во-вторых, ими горячо одобряться. И то и другое снимает с властей часть ответственности за их действия: ведь инициативник или лизоблюд берут ее на себя (или хотя бы делают вид, что берут). Отсюда и востребованность этих древнейших профессий.

Одной из интересных для исследователя черт советской власти был способ организации общественных компаний по одобрению или инициированию непопулярных действий, особенно в политической сфере.

Здесь существовало известное разнообразие подходов. Так, цены на хлеб поднимались «по просьбам трудящихся», причем от конкретных трудящихся практически не требовали открытой поддержки этих решений. Зато исключение какого-нибудь политически неблагонадежного человека из академической институции или литературного объединения (то есть из Академии наук или Союза писателей), напротив, оформлялось как инициатива конкретных людей, обязательно с личными подписями под соответствующими документами или даже публичными выступлениями на эту тему. Иногда неприятные инициативы озвучивались через коллективные письма «от имени трудящихся» – те самые «не читал, но осуждаю».

Наконец, существовала еще одна форма «одобрямса» – через специально созданные для этой цели организации. Например, многие важные инициативы во внешнеполитической области озвучивались не с партийного или государственного уровня, а через такие рупоры, как, например, Советский комитет защиты мира. Для крайних случаев существовали даже такие странные (в советском контексте, конечно) организации, как Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) или Антисионистский комитет. Конечно, все эти формы активности были ориентированы прежде всего на внешний мир, прежде всего на Запад. Советские люди относились к этому спектаклю со снисходительным презрением – но их мнение никого не интересовало.

У новой, «демократской» власти таких организаций не было. Зато, в отличие от «совка», имелась «цепная общественность» либеральных воззрений, которая охотно и почти бескорыстно взяла на себя эти функции. *Статусные люди* – актеры, режиссеры, барды-поэты, труженики пера – которые непрерывно требовали реформ и крови, крови и реформ. Те же люди кричали о «погромах», а в 1993 году устно и письменно требовали крови защитников Верховного Совета. Стоит вспомнить хотя бы знаменитое письмо 42-х, требующее запретить и распустить указом Президента все виды коммунистических и националистических партий, ужесточить и *заставить работать* законодательство, «предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти» (знакомо, не правда ли?), закрыть по

списку все хоть сколько-нибудь русские газеты, журналы и телепередачи и так далее, и тому подобное.

Не то чтобы Борису Николаевичу было совсем уж необходима эта активность, но она изрядно *пособила*: на все вопросы, задаваемые после известных событий, Ельцин мог ответить: «вот видите, вся интеллигенция была с нами».

Это имело и пропагандистское измерение. В рядах любителей реформ были люди, искренне любимые народом, – например, популярные актеры (какая-нибудь Лия Ахеджакова, которая требовала крови защитников Белого Дома, но при этом была безумно популярна из-за сентиментальных воспоминаний о хорошем советском кино, в котором она снималась).

Однако это было при Ельцине. Нынешние власти такой стихийной поддержки со стороны «лучших людей» не имеют: Путина в либеральных кругах принято не любить. В случае надобности подписать какое-нибудь новое «письмо 53-х» с требованием *побороться с фашизмом по полной* (вплоть до смертной казни для русских националистов или легализации каких-нибудь «чеченских интербригад» для наведения уличного террора) будет просто некому.

Что делать? А вот что: заранее обзавестись *государственным органом*, который будет такие письма писать и такие требования выдвигать. Куда посадить интеллигентных и популярных людей, чтобы они все это сочиняли и подписывали.

Именно за этим была организована Общественная Палата, невыборный орган, устроенный как собрание популярных и уважаемых (ну, относительно популярных и относительно уважаемых – типа Аллы Пугачевой) людей, которые будут выходить с чрезвычайными инициативами и требовать чрезвычайных мер⁵. Это будет подано народу как «ну вот посмотрите, лучшие люди страны нас просят и умоляют о репрессиях»⁶. Палата, таким образом, возьмет на себя роль «золотого петушка», громко кукарекающего в ту сторону, откуда исходит опасность для царства. Учитывая официальную идеологию РФ, нетрудно догадаться, что опасность всегда будет исходить от русских, этих неизбежных носителей «фашизма и ксенофобии», а спасение будет неизменно усматриваться в продолжении русоцида.

Практика подтверждает это. Члены Общественной Палаты уже успели принять немало документов чудовищного содержания и сделать немало заявлений еще того хлеще. Стоит упомянуть хотя бы инициативу «членопала» Резника о возвращении спецхранов для запрещенной литературы. С другой стороны, имеет место и работа по «одобрению высочайших»: например, один из членов Палаты написал книгу, посвященную «идеологии» Путина и удостоенную, в свою очередь, высочайшего одобрения.

Вместо заключения

Как я уже сказал, эволюция существующего режима в общих чертах закончена. Из этого не следует, что единственный выход для него – стагнация или распад. Безусловно, существуют резервы *роста и развития* (если это можно так назвать). То, что достигнуто сейчас, в 2006 году, – это, так сказать, период объявления курса.

⁵ Реакцию обывателя предугадать нетрудно. Недалекий и сентиментальный, он будет ахать и плескать ладошками: «Пугачева вон фашизма боится, Аллочка наша Борисовна». Потом выйдет старенький Церетели, за сердце схватится, вспомнит фамилию: «Эты нэлюды фашисты хатят меня убить за то что я грузын! вах, как нэ стыдно!» Выйдет какая-нибудь учительница из Ставропольского края, тоже за сердце: «Я учу детей добру... а тут у нас фашисты по улицам ходят! Не место им на нашей земле! Сделайте же что-нибудь!» Муфтии, патриархи, популярные актеры, стоярдовые бизнесуки – все они хором взвоят: «Убей их всех, Путин, убей, посади их всех куда-нибудь в темный подвал». «Лишь бы не было русского фашизма, очень уж мы его боимся».

⁶ Кстати: если начальнички у нас не совсем глупы, то они будут передоверять Палате и кое-какие «добрые дела» (для возбуждения симпатий народа и успокоению рудиментов совести самих членопалов). Типа, Палата будет раз в год делать народу всякие ма-а-аленькие добрые дела – скажем, выбивать для каких-нибудь старушечек какие-нибудь копеечные льготы, выдавая это за огромные достижения.

Возможно, нас еще ждут долгие годы «построения антифашизма», а потом «развитого антифашизма». Возможно, страна будет выморена и разорвана на части раньше, чем антифашизм разовьется до «развитого». Возможно также, что режим этот падет еще до того, как власти успеют осуществить русоцид по полной программе. Это зависит от обстоятельств, не поддающихся даже приблизительной оценке.

В любом случае судьба Эрефии вряд ли кому-то покажется завидной.

Хоспис. Российская федерация и ее смысл

Опубликовано в «Русском Журнале» 1 декабря 2003 года по материалам «Консервативного пресс-клуба» от 19 ноября 2003 года (тема заседания – «Новое политическое размежевание – до и после выборов»)

Слушая ораторов, живо обсуждающих какие-то «проблемы российской государственности», я все время пытался понять – о чем они, собственно, говорят. Создается впечатление, что у нас, в России, есть «свое государство», у которого есть обычные государственные проблемы, более или менее важные и неотложные – например, легитимизация собственности, улучшение законов, учреждение полезных институций, смягчение нравов, скорая починка водопроводных труб, а также прочие вещи, по природе своей предназначенные для обустройства *нормальной* жизни. Далее собеседники начинают удивляться тому, что у нас «ничего этого нет», и предлагают разного рода мероприятия, призванные исправить положение. Все это произносится серьезным тоном – как будто сам предмет разговора, «государство-как-у-всех» (какое есть в Америке, во Франции, в Латвии или в Непале) у нас действительно есть.

Некоторые, впрочем, доходят до того, что берутся рассуждать на такие темы, как «легитимность власти», ее «признание» или «непризнание» «народом», и даже доходят до вывода, что российская власть «внутренне нелегитимна». Это все, опять же, предполагает, что у нас есть какая-то «российская власть», которой есть дело до ее «легитимности» в глазах населения.

В таком случае не будет лишним немного освежить память. Есть одно банальное обстоятельство, которое нам всем прекрасно известно, но о котором мы почему-то склонны забывать (или его игнорировать) в момент обсуждения интересных технических вопросов.

Я имею в виду генезис нынешней «российской государственности». Мы все прекрасно знаем, что ТАК НАЗЫВАЕМАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОЗНИКЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ-СССР В ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Еще раз. Эта «государственность» появилась в результате разгрома и поражения России в ее многовековой войне с «Цивилизованным Миром». Скажем больше: мы все также прекрасно понимаем, что «российская государственность» была *допущена* нашими победителями ТОЛЬКО для того, чтобы закрепить результаты Третьей мировой войны, сделать их необратимыми. В этом и заключается легитимность российской власти в глазах Мирового Сообщества. *Российская власть является гарантом итогового поражения России в исторической битве за выживание.*

При этом никакой другой легитимности, кроме легитимности в глазах Мирового Сообщества, в современном мире не существует. Само Мировое Сообщество определяет себя как *клуб победителей России в WW3*. Никакого другого значения это слово не имеет.

Это, впрочем, неудивительно. Абсолютно *все* «мировые сообщества», известные нам в новой и новейшей истории, возникали и функционировали именно как *клубы победителей*. Так, предыдущее «мировое сообщество под флагом Объединенных Наций» образца 1945–1991 гг. (куда СССР входил на правах Сверхдержавы), было клубом победителей «фашистской Германии» в WW2, и ничем более.

Разумеется, понятие «победитель» здесь нужно понимать в самом широком смысле. Например, в число «победителей фашизма» были со временем записаны все европейцы, включая саму Германию. В этом не было ничего удивительного, поскольку немцы понадобились для ведения WW3 (начатой Западом через несколько месяцев после победы над Германией). Нынешняя же ситуация иная: победа над Россией планируется как *последняя* победа в *последней* войне Запада (и его флагмана – Соединенных Штатов) за абсолютное мировое господство.

Таким образом, поражение и разгром России являются краеугольным камнем нынешнего миропорядка – который имеет неплохие шансы стать, наконец, *вечным*. России же досталась незавидная роль *последней жертвы*, не имеющей шансов на то, чтобы когда-либо понадобиться в качестве полноценного союзника в какой-нибудь новой войне.

Следует отдавать себе отчет в том, что государство, возникшее в результате разгрома и поражения в мировой войне, не может не иметь настолько ярко выраженную *специфику*, что говорить о нем как о «нормальном государстве» с какими-то «проблемами» из разряда «нормальных проблем» просто смешно и нелепо.

Так, например, сложная задача «легитимизации российской власти в глазах населения» на практике решается очень просто. Власть правит, опираясь на факт поражения русских в войне. «*Вы проиграли войну – и теперь будете терпеть нас, пока не умрете. Горе побежденным*». Вот тот единственный «мессидж», который кремлевские сидельцы транслируют российскому обществу, и транслирует весьма убедительно, время от времени повторяя урок (как это было сделано в том же 1993 году).

Итак, «российская власть» была поставлена для того, чтобы контролировать процессы ликвидации России как государства и как страны. Другого смысла – и, хуже того, других *инструментов*, кроме тех, что были потребны для этой цели, – у нее не было и нет.

Более того, сама эта власть воспринималась (даже собой) как нечто сугубо эфемерное – поскольку следующим же этапом после уничтожения СССР шло расчленение РФ. Напомню, что в 1991–1992 годах *распад России* считался всеми серьезными аналитиками совершенно очевидной перспективой, речь шла только о сроках – займет ли это 2–3 года или 5–7 лет. Десять лет «единой и неделимой России» тогда, кажется, не давал никто.

Почему же мы до сих пор существуем? Или, ставя вопрос по-кантовски, *как возможна РФ?* – пусть даже в качестве псевдогосударственного образования, но все же достаточно устойчивого и даже иногда демонстрирующего некоторые признаки государства?

Я думаю, что здесь наложились друг на друга две ошибки, допущенные нашими победителями. А именно – слишком быстрое уничтожение СССР, во-первых, и недооценка возможностей временных административных структур, во-вторых.

Начнем с первого. Мы привыкли воспринимать уничтожение СССР как печальный, но закономерный итог событий 1988–1991 годов. Между тем, существует множество косвенных данных, свидетельствующих о том, что окончательное уничтожение страны планировалось на более позднее время – приблизительно на 2000 год. В разворачиваемой тогда логике это было бы несравнимо более эффективным решением. Население страны надо было как следует *выдержать* – чтобы полный крах «русского проекта» и распад страны казался бы благом, избавлением, спасением.

Представьте себе, что ГКЧП не было бы – или оно не завершилось бы «Беловежской пущей». В таком случае Горбачев остался бы «легитимным правителем СССР», причем признанным (и даже популярным) на Западе, мнение которого к тому моменту уже стало *единственным* источником легитимности чьей бы то ни было власти.

«Новоогаревский процесс» продолжился бы, и завершился бы подписанием «нового союзного договора» – без Прибалтики и Закавказья, но со среднеазиатскими республиками и «особым положением» Украины, Белоруссии и Молдовы. При этом все «национальные образования» внутри РСФСР получили бы статус «союзных республик» и тем самым – легитимные права на будущую независимость. Понятно и то, что все прочие «союзные республики» ограничивали бы свое участие в «обновленном Союзе» потреблением российской нефти и газа да безвозвратными займами из российского бюджета, с проведением радикально-антирусской политики (включая геноцид) на местах. Россия платила бы за призрак «Союза», пока было бы чем платить.

Понятно и то, что в самой России началось бы *голодное десятилетие*, с абсолютно пустыми магазинными полками, «гуманитарной помощью» в качестве безальтернативного источника питания (как в некоторых африканских странах), а также полной остановкой промышленности, потом транспорта, потом энергетики – и все это под омерзительное блекотание Горбачева.

К 2000 году холодная, голодная, вымирающая страна мечтала бы только об одном: о скорейшем свержении коммунистов и ненавистного «Горби» силами НАТО (или кого угодно еще, это было бы уже неважно) и благополучном распаде на «маленькие независимые государства», всякие там «новгородские республики» и «ингерманландии» – не говоря уже о «Великом Татарстане», чьи права на суверенитет никто даже и не думал бы оспаривать. Понятно и то, что после такой «выдержки» подавляющее большинство населения страны ненавидело бы эту страну «до печенок».

Но ГКЧП и последующие события дали возможность Западу зафиксировать победу в WW3 на целых десять лет раньше, и они *не нашли в себе сил отказаться* от такого приза. Платой было – передоверить процесс окончательного уничтожения России «силам на местах». Разумеется, эти силы принесли все подобающие заверения, что дело будет сделано быстро и успешно.

Дальше вступила в силу обычная административная логика: «временная структура» старается затянуть собственное существование, а в перспективе – стать постоянно действующей.

Я бы сравнил это со следующей ситуацией. Представьте себе *хоспис*, в котором лежит сколько-то умирающих. В хосписе имеется директор, штат медсестер, и так далее. Предполагается, что хоспис будет расформирован, как только умрет последний больной.

Представим себе, однако, что больные умирают не так быстро, как предполагалось изначально. Администрация *успевает войти во вкус* высоких зарплат, которые она получает, необременительного труда и так далее и тому подобное. У них появляется мотивация продлить как можно дольше срок своего пребывания.

Поэтому больных начинают хорошо кормить, а то и *лечить*, стараясь не торопиться с ликвидацией контингента. Хоспис, таким образом, приобретает некоторые черты больницы – поскольку, если палаты опустеют, то на следующий же день всю администрацию уволят. Но «люди вошли во вкус», и теперь они стараются «посидеть подольше».

Примерно то же самое произошло с так называемой российской властью. Будучи явлением по природе своей сугубо временным и ликвидационным, эта компания людей с какого-то момент поняла, что «лучше потянуть еще». Что касается народа, то народ, понимая, в общем-то, ситуацию, – она не была проговорена, но она остро чувствовалась, – решил, что *лучше еще помучиться*.

«Хосписная» ситуация, таким образом, не то чтоб превратилась в нечто прямо ей противоположенное (этого никто бы не позволил), но, скажем так, приобрела черты, изначально ей не свойственные. Действительно, кое-где в России стали платить пенсии, чинить водопроводные трубы и даже не уничтожать всю промышленность разом. (Например, «оставили в живых оборонку», что оказалось чрезвычайно дальновидным.)

Далее мы наблюдали постепенный процесс обретения *хосписным режимом* определенных амбиций, которые могут со временем дорасти до амбиций *государственных*.

Понятно, что единственным средством для достижения подобных целей является саботаж. Тихий, осторожный, вежливый саботаж, который, однако, в перспективе может перерасти в нечто большее.

Здесь, за недостатком времени, мне придется пропустить чрезвычайно интересный анализ действий российской «власти» по перерастанию из «временного ликвидационного комитета» в некоторое подобие государства. Пока что отметим одно. Ельцинский режим совершил невероятное количество преступлений против России и русских людей. Но при этом он совер-

шил и немало полезного для страны, *саботируя* те действия, которые призваны были ее разрушать. Условно говоря, вместо того чтобы доломать все – и быстро, вывезти все ценное и быстро передать Нефтяную Трубу (и тем самым – власть) американским менеджерам, ельцинский режим начал юлить, хитрить, создавать разного рода препоны.

Надо признать, что возникновение отечественной олигархии было, на самом деле, в какой-то момент *одной из таких препон*. Судя по тому, как шло развитие событий в 91-м, 92-м, 93-м, всего этого не предполагалось: все вкусное должно было быть просто *передано международному менеджменту*, который бы этим распорядился гораздо лучше. Прокладку в виде непонятных людей, которым быстро всучили разного рода собственность и объявили их собственниками, нужно было делать только для того, чтобы *сдавать не сразу*.

В этом отношении даже в российской олигархии, явлении бесконечно омерзительном со всех точек зрения, можно усмотреть нечто хорошее. Фактически, вместо того, чтобы сразу вручить всю вкусную российскую собственность американцам – что и планировалось изначально, – была создана *прослойка* из «формально российских» людей (пусть даже бесконечно гнусных и подлых), которые и стали «формальными собственниками» российских богатств.

Судя по всему, первым заявлением о *возможном суверенитете* России была знаменитая (хотя и несколько подзабытая сейчас) речь Ельцина на саммите Совета Европы в Стамбуле, где впервые было озвучено, что «Европа не имеет права» вмешиваться в российскую политику по отношению к Чечне. По сути дела, весь путинизм, как программа, был реализацией этого заявления.

Теперь несколько слов о том, о чем говорили здесь многие: об иллюзорном и манипулятивном характере путинского режима. Я склонен относиться к нему гораздо более позитивно – именно по той самой причине, которую обозначил в начале своей речи. *Не иллюзорно* в путинском режиме было ровно одно *непроговариваемое* обстоятельство: Путин пришел к власти благодаря достаточно внятным знакам, подаваемым русскому народу, что он *затянет*, как можно более затянет, исполнение программы уничтожения России и русских людей. Народ (понимающий на том же подсознательном уровне, каковы альтернативы) проголосовал именно за это.

Естественно, ни о каком национальном возрождении речь не шла. Речь шла, если говорить именно о реальностях, реальностях не проговариваемых, неудобных и неприличных, но, тем не менее, всеми понимаемых, о том, что Путин берется *саботировать* программу уничтожения русских, равно как и все программы, направленные на *быстрое* уничтожение России.

В эту идеологему укладывается все, начиная с довольно успешного прекращения чеченской войны. Это именно *прекращение* – та война, которая шла при Ельцине, и та война, которую вел и ведет сейчас Путин, являются совершенно разными войнами, прежде всего – по масштабу угроз. В этом отношении, кстати, Норд-Ост стал последней точкой не в российско-чеченском конфликте, а в той ситуации, когда этот конфликт может стать серьезным поводом для распада страны. Как выяснилось, режим настолько прочен, что может себе позволить (подумать только!) *уничтожение* террористов. Кстати, добавлю, что жертвы среди заложников произвели едва ли не большее впечатление. Выяснилось, *что режим готов жертвовать своими людьми и не бояться общественного мнения*. Это произвело очень глубокое впечатление. Скорее всего, актов такого масштаба либо больше не будет, либо они будут совсем другими.

Здесь много говорилось о странной, двойной и даже шизофренической природе Путина. Я думаю, что никакой шизофрении у Путина нет. Человек, на самом деле, делает ровно то, на что и подписывался, делает это удивительно последовательно и даже, я бы сказал, изобретательно.

Теперь я, наконец, могу высказаться по поводу ситуации с ЮКОСом и Ходорковским. Разумеется, это никоим образом не начало процесса передела собственности. О переделе собственности вообще нельзя говорить, потому что *никакой частной собственности в Российской Федерации не существует*. Существуют *переданные во временное управление* разным людям

активы. Они не обладают свойствами собственности в прямом смысле этого слова – хотя из них можно извлекать прибыль. Собственностью эта прибыль становится, *только будучи вывезенной на Запад*. Все ведь прекрасно знают, что священной и неприкосновенной частной собственностью в России является только то, что лежит в швейцарском банке.

Эта система была создана, как я уже говорил, сознательно. Она планировалась именно такой. Она, безусловно, не является – ни в каком смысле слова – либеральной, капиталистической или какой-либо еще. Она не описывается традиционными экономическими моделями – как, например, не описывается традиционными законами кровообращения ситуация, когда кровь из тела *выкачивают*, как это делали немцы в Саласпилсе.

Выше я упоминал о роли «олигархической прослойки». В настоящее время эта прослойка – точнее, *прокладка* – изрядно поистерлась. Так бывает с любыми прокладками.

Дело в том, что упомянутая олигархия, набранная, действительно, мягко говоря, *не из лучших людей*, изначально понимала, что может функционировать *только здесь*, и это было альтернативой варианту «сдавать все и сразу». Так вот, к сожалению, люди подросли и уже доросли до того, чтобы *начать все сдавать самостоятельно*.

Реальным преступлением господина Ходорковского были даже не его политические аппетиты, – с этим еще как-то смирились бы, – а тот факт, что он собрался продать 15 % российского бюджета иностранцам. Если уж на то пошло, тот факт, что за это преступление он пострадал, является чрезвычайно *радостным*.

Похоже, нынешний российский режим намерен продержаться еще долго – а там, глядишь, даже и осознать себя именно как режим *государственный*. По крайней мере, на это появляются некоторые шансы.

Плата за вымирание. К экономической системе РФ

Сообщение в «Живом журнале» от 12 декабря 2004 года. Повод – ожидаемая «реформа ЖКХ»

Я намерен обсудить смешной вроде бы вопрос – за что людям платят?

Уточню. Будем называть «платой» всю ту сумму благ, которые человек получает от общества, причем не просто так (как воздух), а за что-то. То есть – если он этого чего-то не делает, он этих благ не получит. Опять же, не будем уточнять, кто именно ему за это платит. Потому что бонусы он получает, помимо кассы, от множества разных людей, общественных институтов, и в конечном итоге от общества в целом.

Обобщенно, «плата» – это деньги, доступ к благам, уважение, социальный и физический комфорт, особое положение (и право на нарушение некоторых табу), власть или влияние. Ну, в общем, вполне представимая корзиночка.

Так вот. «Просто за работу» платят мало где. Платят обычно за что-то такое, что ВКЛЮЧАЕТ в себя работу (за безделье, впрочем, тоже иногда платят – но об этом ниже), но является не ПРОСТО работой.

Ну например. В основе «американской мечты» лежит идея, что людям надо платить за изобретательность. Придумал новую крышечку для пивных бутылок, продал патент (или, еще лучше, организовал предприятие) – получи свой миллион и искреннее восхищение пышных блондинок. «Человек Сам Себя Сделал», молодец. В низшем своем аспекте изобретательность выглядит как способность к сложному труду. Простой труд, особенно грязный, в Америке не уважается.

Традиционное немецкое представление о труде и справедливой плате за него тоже отличается от «чисто трудовой этики». В высшем своем регистре это культ совершенства, перфекционизм – «всякая идеально сделанная работа заслуживает уважения», а в низшем – это дисциплинированность (это, кстати, совсем не то же самое, что американский культ «организации»).

В Советском Союзе, где слово «труд» было идеологически окрашено в позитив, платили тоже не за «работу как таковую». То, за что платили, в высшем своем аспекте называлось служение (Отечеству), а в низшем – послушание. Труд официально именовался «долгом каждого» – то есть вопрос о его нужности, полезности или уместности не ставился. Труд имел дисциплинарную ценность, им население занимали – как в детском саду занимают детей какой-нибудь лепкой из пластилина или карандашиками. «И чтобы когда я приду, у всех был рисунок с елочкой!»⁷

Но бывают случаи, когда за труд как раз и не платят – или стараются платить поменьше. А платят как раз за «совсем другое».

Возьмем два крайних примера. За что платит общество аристократам при абсолютизме? В общем-то, за одно: за то, что они бездельничают и тихо вырождаются.

Это кажется странным. Однако аристократия, все эти «галантные кавалеры» – это ведь бывший военный класс, бывшее всадничество. Оттесненный от реальной власти и лишенный реальных прав, он остается опасен – поскольку эти люди привыкли к силе и власти, «могут и взбунтоваться». Все-таки их предки умели плавать в стальных латах и рубиться полупудовыми железяками. Общество же устраивается уже по-другому, и все эти устаревшие детали общественного механизма надо куда-то деть. Решений два: перерезать или развратить. Но пер-

⁷ В первом классе наша учительница задавала на дом такие странноватые задания, как «нарисовать бордюрчик» (то есть последовательность цветных фигурок карандашиком). При этом «бордюрчики» проверялись, и за отсутствие такового снижалась оценка за домашнюю работу.

вое удобнее делать, когда уже осуществлено второе: нежные рыхлые тела «шевалье» режутся лучше, чем жилистая плоть кавалеристов... Что же касается дороговизны трат на содержание всей этой оравы – так это еще как посмотреть, дорого ли они встают. Аристократия, конечно, потребляет будь здоров – но с точки зрения общества в целом большая часть богатств остается в самом же обществе. Ну да, носит кавалер золотые пуговицы. Кавалер умрет, его дети умрут, его внукам отрубят голову гильотина – а пуговички-то останутся. Ну а сожрут они немного – желудок у людей, чай, не резиновый. Зато от них спокойно.

Кроме того, жирная и демонстративно потребляющая верхушка имеет и иной смысл в себе: она привлекает на сторону кормящего их государства элиты других государств.

Тут придется малость отвлечься вот на что. Любое сильное государство (особенно имперского типа) имеет в своем распоряжении кнут и пряник (или, как нарисовали американцы, молнии и оливковую ветвь).

И то и другое является оружием, направленным против других государств, а точнее их элит. Кнут – это военная мощь, которой можно запугивать эти элиты: «Если вы нам не покоритесь, мы вас уьем».

Пряник – это роскошь: «Если вы нам покоритесь, вы будете жить, как наши аристократы – без власти, но сладко и хольно». Эту самую дольче-виту надо демонстрировать как можно выпуклее, нагляднее, бесстыднее – как шлюха крутит задницей. Таким образом, бывшие воины становятся государственными проститутками, всем своим расколенным видом заманивающими чужеземные элиты на служение «доброму королю», чьи подданные живут так весело и привольно⁸. Те соблазняются, сдают свой народ во внешнее управление, делаются из «вождей» и «варварских правителей» такими же «аристократами» и начинают терять боевую форму... что и требуется.

Теперь разберем вопрос: а за что платят в современной России?

Ответ. В России за труд не платят вообще. За верность – тоже. За послушание – ближе, но все-таки не то... Платят за одно: за *готовность вымереть*.

Выражается это вот в чем. Самым запрещенным занятием в современной России, помимо русского национализма, является попытка заниматься сложным полезным трудом. Открыть фирму «с инновациями», занимающуюся какими-нибудь «новыми технологиями» – это расстрельная статья, иногда в буквальном смысле⁹. Под запретом и любой бизнес, не связанный с продажей сырья или металла – или, наоборот, завозом импортного барахла. Кое-какие заводишки дымят только для того, чтобы «предотвратить социальный взрыв» (заметим, что это выражение, чудовищное по смыслу, является вполне официальным, «газетным»). Из полезного труда «на себя» разрешено разве что самогоноварение. Всячески поощряется преступность (организованная и бытовая, вторая даже больше), алкоголизм и суицид. Ну и т. п. – кто живет в России, тот в курсе.

Однако за это платят. Начиная от «телевизора с Пугачевой» и кончая недавним еще долготерпением по части коммунальных выплат.

Последнее, кстати, – отдельная, очень интересная тема. В то время как в националистической Прибалтике с людей – сразу после получения независимости – стали «драть по полной за свет и за газ», в России долгое время смотрели на это сквозь пальцы.

Почему? Потому что прибалтийские националисты сразу строили для своих народов блистательное будущее по модели «как в Финляндии», нацеливаясь на высокий уровень жизни в

⁸ Разумеется, это касается только элит. Однако, бывает, что покупают и простой люд – когда элиты упираются и не понимают намеков. Правда, в таком случае предлагают не дольче виту, а что-нибудь нематериальное – например, «свободу». См. события 1917-го в России или нынешний украинский оранжад. Но сейчас мы о другом.

⁹ Исключение – когда какой-нибудь научный центр полностью и напрямую контролируется западниками. Однако не стоит забывать, что даже такая «казалось бы очевидная» вещь, как удаленное программирование, в России не особенно развито: по сравнению с Индией все, что делается у нас, – это кошачьи слезки.

самом ближайшем будущем. При этом создавались все условия для открытия бизнесов, поощрялся любой труд (включая проституцию), и т. п.

Таким образом, коммунальные платежи были использованы для того, чтобы заставить людей работать – при том, что все условия для работы были созданы. В России же, наоборот, население надо было ОТУЧИТЬ трудиться и особенно протестовать против невозможности труда. Поэтому некоторое время в квартиры «давали свет и воду». Потом, по мере обнищания людей, все эти блага стали постепенно отключать.

Началось все с Чубайса и его электрических затей – а кончилось реформой ЖКХ. Просто теперь люди уже настолько ослабли и настолько примирились с судьбой, что их можно лишить света, воды, тепла и выкинуть на улицу. Но это теперь.

Казалось бы, это касается только бедных. Но и относительно благополучные прослойки населения России тоже мотивированы на вымирание. Например: одним из важнейших условий сколько-нибудь пристойной (по меркам «обеспеченного класса») жизни в России является бездетность. Человек, заимевший ребенка, автоматически лишается большей части благ и удовольствий, которые он раньше имел – начиная от прямых финансовых затрат и кончая непониманием и осуждением со стороны «своих». Напротив, для «жизни без спиногрызов» созданы все условия. «Вымираем весело». Весьма богатые люди могут позволить себе детей – но в этом случае детишки обязательно готовятся к жизни вне России: с детства изучают английский, учатся «где-нибудь там» (побогаче – в Оксфорде, победнее – в любом западном колледже, лишь бы он был западный). То есть «если ты уж делаешь детей» – то на экспорт и только на экспорт. А в хороших российских вузах учатся в основном дети тех народов, кому размножаться можно и даже желательно – например, черные, которых, несмотря на их неярко выраженный интеллект, становится все больше и больше... И т. п.

Итак. Русским – даже богатым – платят за покорное вымирание.

Соответственно, *другим* народам платят (не конкретные люди, а система в целом) за содействие процессу вымирания русских. «Помогите падающему – толкните его еще».

Поэтому не существует ни одного нерусского народа, который рано или поздно – если «все будет так и дальше продолжаться» – не станет врагом русских. Просто потому что «это поощряется», и все это чувствуют. «В воздухе разлито». И даже те народы, которые неплохо относятся к русским – все равно станут русофобами. «За это нам сделают хорошо», «за это платят», а «без этого» – как бы самому не оказаться на черном дне, где лежат «рызань и калуга».

Выборы в России: смысл и назначение процедуры

Опубликовано в «Русском Журнале» 15 марта 2004 года, в качестве комментария к близищимся выборам Президента РФ

Проблема любого сиквела – зрительские претензии. Некоторые даже говорят, что сиквел по определению не может быть лучше оригинала. Герои и их отношения известны, разыгрываемая история не должна слишком сильно отличаться от прежней. Слишком сильно – то есть, скажем, *жанрово* – мистический триллер вместо комедийной мелодрамы не проканает. Но все-таки лучше сходить на вторя к неплохой ленте («затянуто, но смотреть можно»), чем покупать билетик на «экспериментальное кино», не близкое широкому зрителю.

Примерно из таких соображений будет исходить немалая часть избирателей, направляющихся к избирательным участкам. Скорее всего, большинство проголосует за показ второй серии. Решение рациональное и объяснимое. Надо только отметить, что больше всех для успеха данного сиквела сделали как раз те, кому он вроде бы особенно отвратителен, то есть наша оппозиция. Громче всех кричат о «предопределенности выбора» именно они. Более того, они в это и в самом деле больше всех верят. И уже заранее переносят все свои дела на далекий 2008 год, когда, глядишь, звезды встанут по-другому.

Отдельный интерес представляет сама процедура выборов. Ее демонстративная *безальтернативность*, с одной стороны, и не менее демонстративная *обязательность*, с другой. Можно это назвать, конечно, «плебисцитарной демократией», и это будет не совсем неправда. Но общее ощущение ненужности, избыточности и даже какой-то оскорбительности сего предприятия остается. Хочется сказать начальству – *если уж вы не оставляете нам этого самого выбора, не надо играть в демократию. Не нужно.*

Однако в том-то и дело, что именно начальству – в его нынешнем исполнении – эти несколько занудливые ритуалы действительно **НУЖНЫ**.

Разумеется, не для того, чтобы потешать народ («и так перетопчутся») или даже господ иностранных наблюдателей из зарубежных держав (коим, конечно, надо кланяться и делать по-ихнему, но меру тоже знать надо – у нас тут, чай, не елисейские какие-нибудь поля, чтоб миндальничать). Нет, не для этого. А для самого его, начальства, выживания и преуспевания.

Следует признать, что за последние двенадцать лет в России таки сформировалось то, что можно назвать *политическим классом*. Я не говорю «новым», поскольку известная часть его рекрутирована из обкомов, директорских кабинетов и прочих старосоветских урочищ. Однако у него есть очень серьезные отличия от советского правящего класса – которые заслуживают некоторого внимания.

А именно. Новый российский ПК, при всей его вызывающей замкнутости на себя (попасть в него почти невозможно), решил-таки проблему *внутренней ротации*. Которая для советского правящего класса оказалась не по зубам.

Внутренняя ротация, в отличие от внешней (то есть комплекса проблем с доступом в правящий класс пришельцев извне), есть проблема своевременной замены персоналий, занимающих самые важные кресла. Наиболее характерным тестом на решенность/нерешенность проблемы ротации является судьба первых лиц государства. В советской системе Первое Лицо и его ближайший круг, получив однажды власть, могли либо удерживать ее, либо быть низвергнутыми, яко титаны, с властного Олимпа в мрачный Тартар забвенья. Падать было далеко и больно. Смещенный в результате переворота Хрущев доживал свои дни в подмосковном полуваточении как персональный пенсионер союзного значения с назначенным содержанием в 400 рэ ежемесячных, лишенный какой бы то ни было власти и влияния. Люди поменьше лишались вообще всего, включая часть имущества – всяких там казенных машин и дачек. Поэтому путь

у любого советского аппаратчика был только один: наверх, а дальше держаться любой ценой – как минимум, до того момента, пока не удастся надежно пристроить своих детей.

Нерешенность ротационной проблемы связана с тем, что советская номенклатура была достаточно рыхлым образованием с низкой политической (не говорю управленческой!) культурой. Нынешний российский политический класс, при всей его управленческой бездарности, является куда более искушенным и куда более сплоченным образованием. Отчасти поэтому ему удалось более или менее успешно усвоить «западную» модель внутренней ротации политического класса. Предполагающую, что высокий *пост* – это лишь один из периодов политической карьеры, пусть и важнейший, но все-таки временный – а вот власть и влияние остаются с человеком навсегда. Это касается прежде всего первых лиц. Там, по ту сторону президентства или премьерства, тоже есть жизнь. «Старички» продолжают влиять на политику, не неся при этом никакой ответственности, и даже делать своего рода карьеру – незаметную извне, но внятную тем, кто находится внутри системы.

Установление ротационных правил – важная (я бы сказал, этапная) веха в становлении новой политической системы. Это свидетельствует об определенном уровне самодисциплины правящего класса, а также о его высокой сплоченности. Можно даже сказать, что властная прослойка, эффективно осуществляющая внутреннюю ротацию и вовремя заменяющая «истершиеся винтики» без шума и пыли – то есть без эксцессов вроде переворотов или «разоблачений», – действительно может претендовать на субъектность.

В результате первым российским правителем, добровольно – то есть без видимого и очевидного нажима извне – оставившим свой пост (не считая, может быть, известного мифа об Александре Благословенном и старце Федоре Кузьмиче), был Ельцин. Разумеется, он никогда бы этого не сделал, если бы не был уверен не только в абсолютной неприкосновенности себя и своего окружения, но и в продолжении своего личного участия в политическом процессе. Так что недоброй памяти ЕБН до сих пор остается *действующим политиком* высокого уровня, как и все его окружение – и останется таковым до самой смерти¹⁰. То же относится и ко всей «новой номенклатуре». Достаточно вспомнить абсолютно непотопляемого Чубайса, не говоря уже о людях менее известных.

Зачем в таком случае нужны выборы в их российском варианте?

Ровно для того, чтобы пристойно обставить механизм ротации. То есть это просто точно обозначенные промежутки «времени уходить».

Судя по всему, планируется, что новые правители России будут сидеть на святом месте по восемь лет, после чего уходить в сферы, где власть еще не кончается, зато кончается всякая ответственность. Примерно то же будет и со всеми прочими «верхними» людьми примерно до губернаторского уровня.

Разумеется, в ином случае можно было бы не затевать всего этого фарса со «всенародным голосованием», а ограничиться процедурой объявления очередного срока или назначения преемника. Более того, квазивыборная система позволяет *обходить* ротационное правило, сохраняя островки патриархальной (на самом деле советской) «несменяемости». Это касается прежде всего властей некоторых национальных образований, а также московской власти с ее знаменитой спецификой. Наконец, не следует забывать того факта, что выборы (и вообще все «демократические институты») были навязаны России Западом (то есть клубом победителей в Третьей мировой войне – в настоящий момент слово «Запад» означает именно это). С точки зрения победителей российские выборы – это инструмент внешнего контроля за ситуацией в побежденной стране.

Но – как это не раз случалось в истории – навязанный извне институт был приспособлен к сугубо местным нуждам. Если ротационная система и в самом деле покажет свою эффектив-

¹⁰ Примечание 2009 года: так и вышло.

ность, то можно быть уверенным, что состоятся и выборы-2008, и выборы-2012, and so on. Во всяком случае, есть серьезные основания полагать, что выборы-2008 состоятся и что Путин на третий срок не пойдет. Этого не допустит прежде всего *политический класс*, уже установивший для себя определенные нормы и намеренный им следовать¹¹.

Можно ли ожидать радикального изменения новых правил игры? Многое здесь зависит от того, удастся ли подписать под «ротационную систему» *всех* политических агентов. Мы уже упоминали «островки стабильности» в той же столице, с ее несменяемым мэром, а также национальные ханства. Можно предположить, что окончательное форматирование властной системы в качестве принудительно-ротационной будет одной из важнейших тем следующего четырехлетия. Во всяком случае, прочность новой системы проверяется сейчас уже не на «федеральном уровне», а в Москве и в Казани.

¹¹ Примечание 2009 года: опять же, так и вышло. Правда, мне не хватило духу сложить два и два – то есть написанное выше об уходе не от власти, а от ответственности, иначе я дошел бы до формулы «придет новый президент, но Путин останется» и нынешней «танDEMократии».

Старый муж, грозный муж. Гендерно-политическое размышление

Опубликовано на АПН 10 декабря 2007 года в качестве комментария к очередным думским выборам

Как заметили многие жители благословенной Многонационалии, выборы в Думу-2007 прошли успешно. В смысле, какая надо партия получила сколько надо голосов.

Характерно, что нас об этом предупреждали. Какая надо партия с самого начала предвыборного процесса долго и упорно объясняла гражданам, что она не даст им сорвать выборы несознательным голосованием за кого попало. Для начала все партии, способные вызвать хоть какой-то интерес у дорогих россиян, были убраны с поляны (некоторым, впрочем, не дали даже и носу показать – например, «Великой России»). Оставшиеся были приведены в состояние полной небоеспособности путем применения обычных в таких случаях технологий – то есть пресса и отжима. Далее, с административными рычагами наголо – стесняться никто не собирався – власть таки провела эти самые выборы. И получила то, чего хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.